

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.10>

УДК 811.161.1'37
ББК81.411.2-03

Дата поступления статьи: 18.01.2016
Дата принятия статьи: 21.03.2016

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ И ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ОТПИСОК НАЧАЛА XVII в.¹

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и документалистики,
Волгоградский государственный университет
devgeniya@inbox.ru, iryas@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье описываются специфика структурной организации текста и лексические особенности отписок начала XVII в., входящих в состав Соликамского архива. Особое внимание уделяется средствам стандартизации текста. Отписка рассматривается как один из жанров деловой письменности, активно функционировавший в XVI–XVII вв., как документ, занимавший промежуточное место в системе делопроизводства и связывающий вышестоящего администратора с нижестоящим, а также местные канцелярии одного уровня, и фактом частной переписки вышестоящих лиц.

Выявлены обязательные и факультативные композиционные особенности жанра. Как обязательные рассмотрены устойчивость трехчастной структуры, наличие начальной этикетной формулы с указанием на адресата и адресанта, событийная насыщенность центральной части документа, открывающейся указанием на источник информации; как факультативные – употребление формулы челобитья, смещение смыслового центра к заключительной части, раскрывающей интенцию автора.

Анализ функционирования глагольных лексем в текстах отписок позволил установить, что важнейшим источником пополнения лексики делового языка являлась семантическая деривация, способствовавшая формированию устойчивых сочетаний, которые наряду с трафаретными конструкциями, указывающими на временные и причинные характеристики описываемых событий, являлись важным средством стандартизации языка документа.

Ключевые слова: история русского языка, жанр документа, отписка, композиция, глагол, лексическая семантика, семантическая деривация.

Памятники деловой письменности национального периода как важнейшие источники сведений об истории русского языка изучаются отечественными лингвистами начиная с XIX века. При этом по традиции основное внимание уделяется отражению в них элементов живой речи, однако «сложный процесс формирования национального русского литературного языка привел к утверждению делового языка как одного из строгих книжных стилей, про-

тивопоставленных разговорному» [3, с. 76]. В связи с этим исследование становления и развития русского делового стиля, состава и структуры текстов делового содержания [4, с. 23] невозможно без учета зарождающихся элементов стандартизации языка и структуры текста, приведшей в итоге к формированию современного официально-делового стиля.

В качестве материала для анализа нами были избраны документы начала XVII в., во-

дящие в Соликамский архив и опубликованные Археографической комиссией в 1841 г., но не являвшиеся до сих пор предметом специального лингвистического изучения, хотя они и представляют несомненный интерес не только с исторической [8, с. 152], но и с филологической точки зрения, поскольку в XVII в. деловая письменность предстает как «развитая система деловых текстов разных жанров, разнообразных по стилю и содержанию, что является следствием отражения в ней всех сторон социально-экономической жизни народа, а также бурного развития центрального и местного делопроизводства в Московском государстве» [1, с. 3].

В центре нашего внимания – *отписка*, представляющая собой один из наименее изученных жанров деловых текстов, функционировавших в старорусский период. Временем появления этого жанра деловой письменности, отличающегося богатством и разнообразием содержания, а также широтой распространения, считается начало XVI в., но уже в исследованиях, посвященных деловым памятникам XVIII в., о нем не упоминается, хотя лингвисты и применительно к современным документам используют термин «отписка», обозначая им один из речевых жанров.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово *отписка* отмечено в контекстах из памятников XVI–XVII вв. и имеет два значения: 1) письменное уведомление, донесение, распоряжение; 2) ответный документ (СРЯ XI–XVII, вып. 13, с. 299–300); авторы «Словаря русского языка XVIII века» также фиксируют два значения: 1) действие по глаголу *отписать* – *отписывать*; 2) письменное донесение, сообщение (обычно официального характера) || деловое письмо, послание || ответный документ, ответ на письмо, послание (СлРЯ XVIII, вып. 18, с. 57–58). Кроме того, во втором значении слово *отписка* оказывается синонимичным слову *отпись*, имевшему еще и значение «письменное свидетельство, расписка, квитанция» (СлРЯ XVIII, вып. 18, с. 58).

В.И. Даль тоже признает слова *отпись* и *отписка* синонимами, понимая под последним донесение или письменный ответ (Даль, т. II, стб. 1933). В современном русском языке сохранилось лишь слово *отписка* с уста-

ревшим значением «письменное сообщение, уведомление о чем-либо, письменный ответ на что-либо» и современным значением «формальный ответ, не затрагивающий существа дела, обходящий его» (МАС, т. 2, с. 700).

Таким образом, дефиниции толковых словарей показывают, что на протяжении всего бытования в русском языке слова *отписка* оно обозначало самые разные документы; это, как представляется, отражает размытость их жанровых границ, отсутствие четких правил составления и в итоге объясняет трудности, возникающие у исследователей при их описании и классификации.

Так, А.Н. Качалкин называет *отпиской* такой деловой текст, который, с одной стороны, мог быть направлен от местного администратора или служилого человека в высшую инстанцию и, очевидно, представлял собой донесение или письменный ответ, а, с другой стороны, мог представлять собой документ служебной переписки между местными канцеляриями [5, с. 47]. Определяя специфику данного «вида документа», исследователь относит его к группе организационно-распорядительных, в которых имеется отсылка на письменное сношение, имевшее место раньше [5, с. 49, 67]. В нашем материале представлены такие случаи, например: *Въ нынѣшнемъ, господа, въ 117 году Декабря въ 15 день, писали вы къ намъ, въ Пермь Великую, и прислали, Соли Вычегоцкіе съ приставомъ съ Шумилкомъ Михайловымъ, списки съ грамотъ, что...* (Акты, с. 144). Однако подобная отсылка является необязательной, в таких случаях содержательная часть документа вводится указанием на разнообразные источники получения информации: *Слухъ, государь, насъ дошелъ отъ воинскихъ людей, что...* (Акты, с. 149); *Въ нынѣшнемъ 117 году Декабря въ .. день, приѣхалъ въ Володимерь Володимерской сотникъ стрѣлецкой Оедоръ Домнинъ, а посыланъ былъ въ Балахонской уѣздъ въ Ярополцескую волость, и сказала мнѣ, что...* (Акты, с. 144). Это свидетельствует о том, что отписка могла представлять собой не ответ, а донесение или деловое письмо.

Как следствие, имеются некоторые сложности при интерпретации отписки в рамках существующих классификаций деловых

памятников. Так, по типологии, предложенной С.С. Волковым, отписки могут быть отнесены к группе официально-деловых (общегосударственных, правительственно-административных) актов, касающихся как интересов всего общества, так и взаимоотношений отдельных социальных групп внутри общества, отношений верховной власти и правящих группировок к различным слоям общества и их отдельным членам, межгосударственных отношений, управления и др. [2, с. 8]. Вместе с тем отписки имеют черты и частно-деловых актов, так как некоторые из них могут быть «связаны с интересами определенного лица, касаются взаимоотношений между отдельными членами общества» [2, с. 13].

Наблюдения над рассматриваемыми текстами позволили уточнить описание композиционной структуры жанра отписки.

Исследователи предлагают выделять в композиции отписок три части: 1) начальный протокол, содержащий формулу обращения к адресату, сведения об адресанте и формулу челобитья (с характерным порядком слов *челом бьет*, вместо *бьет челом* в челобитных); 2) основную часть; 3) заключительное предложение, содержащее вопрос к адресату о дальнейших его распоряжениях [9, с. 118, 121]. В изложенной композиционной схеме наиболее значимой оказывается заключающая в себе «основное содержание документа» вторая часть, вокруг которой первая и третья части образуют рамочную этикетную конструкцию.

Для анализируемых документов характерным в формуле челобитья является порядок слов *челом бьет*, однако встречаются тексты, отступающие от этого правила: *Государю его мости пану Яну Петру Павловичю Сапѣгѣ, кащеляновичю Кіевскому, старостѣ Усвяцкому и Керепецкому, изъ Переславля-Залѣскаго, холопи Государевы и всѣ посадики людишка бьютъ челомъ* (Акты, с. 149). Кроме того, отмечены случаи полного отсутствия формулы челобитья: *По Государеву Цареву и Великому Князю Василья Ивановича всеа Русіи указу, въ Муромѣ и въ Муромской уѣздѣ, архимаритомъ, игуменомъ, и протопомъ и попомъ и дьякономъ, и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, и приказнымъ людямъ и Государевыхъ двор-*

цовыхъ сель и деревень старостамъ и цѣловалникомъ и всѣмъ крестьяномъ, изъ Нижнего Новагорода воеводы князь Александръ Одрѣвичъ Репнинъ, Одрѣй Семеновичъ Алябьевъ, дьякъ Василей Семеновъ, велѣли вамъ говорити (Акты, с. 141). Отмеченные факты позволяют сделать вывод о том, что формула челобитья выступала факультативным элементом.

Смысловый центр отписки в рассмотренных текстах часто смещается к заключительной части, которая может содержать просьбу, призыв к действию или прямое указание, которые по сути и являются целью создания документа. В таком случае основная часть описывает ситуацию или события, она призвана убедить в необходимости того или иного действия и в этом смысле лишь подготавливает к восприятию заключительной части. Например: *А въ Нижней бы ты ѣхаль, съ Третьякомъ Клепиковымъ, о добромъ дѣлѣ говорить, да съ собою бы есте взяли Василья Кухтина да атамана Тимоѣя Таскаева, а иныхъ бы никакихъ людей съ собою не имали* (Акты, с. 137); *И вамъ бы, господа, однолично всѣмъ къ намъ отписати вскорѣ и къ воеводѣ ко князю Александру Одрѣвичу въ Володимерь о всемъ писати, и какъ пойдете къ нему въ сходѣ* (Акты, с. 303). Заключительная часть могла быть достаточно развернутой, представляя собой не одно, а несколько предложений, относительно не связанных между собою: *а тебѣ бы, господине, надо мною смиловаться, а у Государя бы тебѣ быть обо мнѣ печалникомъ. А челобитенку есми къ тебѣ о помѣстьѣ послали съ Микулаемъ съ Уѣздовскимъ, и ты бѣ пожаловалъ, у Государя то мнѣ помѣстейцо упрошалъ; а язъ на твоёмъ жалованѣ много челомъ бью, противу радѣ работать, колко мочь. Да поѣхали отсюды Вологжяня посадские люди, къ Государю бити челомъ, и ты бы, господине, велѣлъ ихъ къ Государю пропустити, и прожатые бы имъ велѣлъ дать, чтобы имъ доѣхать до Государевыхъ полковъ безстрашно; а онѣ тебѣ за то будутъ бити челомъ* (Акты, с. 138).

Несмотря на разнообразие сообщаемых фактов и в целом свободный характер их изложения, в основной части отписок встре-

чаются трафаретные конструкции, одной из которых является указание даты, например: *Въ нынѣшнемъ во 117 году Декабря во 2 день* (Акты, с. 141). К устойчивым элементам можно отнести и приведенные выше конструкции, указывающие на источник получения излагаемой информации, которые, как правило, выполняют важную композиционную роль, открывая центральную часть документа и связывая ее с этикетной рамкой.

Отмеченные особенности построения анализируемых текстов позволяют говорить о том, что для отписок наряду с богатыми возможностями выражения интенционального, тематического и содержательного плана, свободой речевого воплощения характерна тенденция к композиционной упорядоченности, использованию существующих языковых формул и устоявшихся приемов изложения.

В этой связи интерес представляет рассмотрение лексических средств создания и поддержания стандартизованности языка – прежде всего, глаголов, поскольку именно глагольные лексемы используются авторами документов для информативно насыщенного повествования о событиях, заполняющего центральную часть отписки. При этом важно учитывать семантические изменения, происходившие в смысловых структурах глаголов, функционирующих в деловых текстах, поскольку они приводят к формированию стилистически маркированных устойчивых сочетаний.

Так, глагол *принести* в старорусском языке имел прямое значение «доставить, неся руками, на руках» (СРЯ XI–XVII, вып. 19, с. 227) и может быть отнесен к группе глаголов перемещения объекта, который в данном случае мыслится как нечто конкретное, одушевленное или неодушевленное. Однако в анализируемых текстах *принести* употреблен с абстрактным существительным *вина*: *...говорити, чтобы они Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии вину свою принесли и ему Государю крестъ ѿблвали* (Акты, с. 137), что свидетельствует о процессе разрушения категориально-лексической семы (далее – КЛС) ‘перемещение’ в смысловой структуре глагола и реализации КЛС ‘межличностные отношения’, то есть о процессе семантической деривации².

Объяснение такой сочетаемости можно найти, обратившись к семантике существительного. Общеславянская лексема *вина* фиксируется «Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.)» в двух основных значениях: 1) причина, повод, 2) проступок, провинность; грех, прегрешение; вина, виновность; обвинение (СДР, т. I, с. 424–428). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» дается более обширный перечень: 1) причина, основание || повод || основа; 2) вина, провинность; проступок, грех; 3) обвинение || приговор; 4) осуждение; наказание, возмездие || право суда; 5) то, что взимается в качестве возмещения ущерба; б) пошлина, повинность, обязательство (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 178–180). Данные обоих лексикографических источников свидетельствуют о совмещении в семантике лексемы как абстрактных, так и конкретных смыслов. Обращает на себя внимание и приводимый авторами словарей целый ряд глаголов, входящих с существительным *вина* в устойчивые сочетания: *дати виноу* – «дать повод», *възложити виноу* – «обвинять», *свършити виноу* – «провести судебное разбирательство» и др. В таких конструкциях *вина* овеществляется, мыслится как нечто вполне конкретное, осязаемое, то, что можно дать, отдать, принести. В этой связи интересны наблюдения В.В. Колесова, заметившего, что для сознания средневекового человека границы между вещью и виной были размыты [6, с. 39].

«Словарь русского языка XVIII века» фиксирует выражение *принести вину*, сопровождая его пометой «канцелярское» (СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 163–164). В современном русском языке оно не сохранилось, но может быть сопоставлено с устойчивым сочетанием *принести извинения*, в котором глагол десемантизируется, называя действие по значению существительного и приобретая лексическое значение существительного (ср. *извиниться*). Выражение же *принести вину* обозначало явку с повинной как деятельное проявление покорности, признание своей неправоты, а значит, свидетельствовало о сохранении на периферии значения глагола семантического признака ‘перемещение’.

В рассмотренных текстах встречается и другое устойчивое сочетание с существительным *вина* – *вины отдать*: *А Государь*

Царь и Великий Князь Василей Иванович всеа Русии, по своему Царскому милосердому обычею, вины ваши велить вамъ отдасть, а убиства и грабежю и никакакого утѣсненья вамъ не будетъ (Акты, с. 143). В «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» применительно к контексту из памятника письменности XII в. оно толкуется как «объяснить причину чего-л.», при этом существительное *вина* употребляется во множественном числе (СДР, т. I, с. 425), в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксировано устойчивое выражение *вину отдати* – «простить провинность, извинить» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 179). В «Словаре русского языка XVIII века» рассматриваемое сочетание не фиксируется. В тексте отписки оно включает существительное во множественном числе, но используется в значении «извинить», поскольку из контекста ясно, что речь идет об обещании прощения.

Лексема *прямити* в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» не отмечена, авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» считают первичным для нее значение «идти прямым путем», фиксируемое в памятнике XI в. (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 27), в старорусских текстах рассматриваемый глагол используется в иных значениях: «сохранять верность кому-либо», «признавать своим государем, быть готовым служить» (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 27). Это позволяет говорить о том, что в смысловой структуре глагола произошли деривационные семантические изменения, приведшие к разрушению КЛС ‘движение’ и реализации КЛС ‘социальные отношения’. В анализируемых текстах *прямити* представлен в следующем контексте: *а Язь Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всеа Русии не измѣнникъ, и по ся мѣста ему Государю во всемъ служилъ и прямилъ* (Акты, с. 138) и имеет значение «сохранять верность кому-либо». По-видимому, в приведенном фрагменте отражена устойчивая формула *служити и прямити*, сложившаяся в документах конца старорусского периода и используемая при характеристике отношения субъекта к носителю верховной государственной власти, ср.: *Инакъ великому государю... наши царского величества подданные обѣщание предъ свя-*

тымъ Христовымъ евангелиемъ учинили на томъ, что имъ намъ, великому государю... служити и прямити и всякого добра хотѣти. ДАИ VII, 2. 1676 г. (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 27).

Глагол *метати* имел прямое значение «бросать, кидать» (СДР, т. IV, с. 524; СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 124), предполагающее наличие конкретного, неодушевленного объекта. В таком значении он может быть отнесен к группе глаголов перемещения объекта.

Однако уже в древнерусском языке в процессе семантической деривации у *метати* сформировался омоним, относящийся к глаголам социальных отношений: *метати* – «заточать, сажать». Он фиксируется всеми историческими словарями: *И повелѣ новгородцы въ погребы метати*. Ник. лет. X, 75; *Аже извинить ся латининъ у Смольнѣскѣ, не мѣтати его у погрѣбѣ*. Смол. гр., 21. 1229 г.; *Архимаритъ Феодосей ихъ крестьянъ имая, въ тюрму металь*. Ррх. Стр. I, 582. 1582 г.; *А питуховъ битъ батоги и метать въ тюр<ь>му*. ААЭ IV, 90. 1652 г. (СРЯ XI–XVII 9, с. 124); *А тѣхъ людей, у кого табак вымут, мѣтати в тюрму до указу Великаго Государя*. ПСЗ III 348. *И оный его офицеры приказ приняли и начаша всѣх с кораблей в море бросать и в цесарские суда пьяных метать*. Вас. Кор. 123. (СРЯ XVII, вып. 12, с. 153–155). Отмечается этот глагол и в рассматриваемых отписках. Так, в «Отписке нижегородских воевод князя Александра Репнина и Андрея Алябьева муромцам» читаем: *А которые у васъ воры смуту чинили, ко кресту за вора приводили, и вы бѣ тѣхъ поймавъ велѣли метати въ тюрму, а иныхъ присылали въ Нижней* (Акты, с. 143). Реализуя значение «заточать, сажать», глагол *метать* нуждается в дополнительных контекстуальных уточнителях, называющих место заключения, например: *въ тюрму*.

Таким образом, проведенный анализ текстов отписок начала XVII в. позволил уточнить общие характеристики и особенности композиционной структуры жанра, его место в системе делопроизводства того времени, показав, что отписка представляла собой документ, который, с одной стороны, отличался свободой языкового выражения, разнообразием целевых установок автора, приближаясь по общим ха-

рактикам к деловому письму, мог быть адресован от нижестоящего чиновника вышестоящему или в приказную избу того же уровня, а с другой стороны, имел четкую трехчастную структуру с обязательным этикетным вступлением, называющим адресата и адресанта, и факультативной формулой челобитья; центральной информативно насыщенной частью, в которой излагаются причины обращения, и заключением, напрямую выражающим интенцию автора / составителя документа.

Обращение к анализу функционирования глагольной лексики в рассматриваемых документах позволило прийти к выводу о том, что семантическая деривация являлась важнейшим источником пополнения лексики делового языка. Результатом таких деривационных семантических изменений, происходивших в смысловой структуре слов, являлись складывающиеся в рамках устойчивого употребления обороты канцелярской речи, которые могли закрепиться в лексической системе языка или остаться только в узусе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-31-01202 «Институты государственного управления в России в Смутное время начала XVII века»).

² Семантическая деривация понимается как процесс, приводящий к разрушению категориально-лексической семы, образованию новых лексических единиц, входящих в другие лексико-семантические группы [7, с. 22–23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баракова, О. В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав (на материале таможенных книг Московского государства) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Баракова Ольга Витальевна. – СПб., 2004. – 40 с.
2. Волков, С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства / С. С. Волков. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 164 с.
3. Горбань, О. А. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания / О. А. Горбань, Е. М. Шептухина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2013. – № 3 (19). – С. 76–84.

4. Дмитриева, Е. Г. Развитие значений эмотивов в языке деловых документов / Е. Г. Дмитриева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2013. – № 2 (18). – С. 23–27. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2013.2.3>.

5. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. II : Филологический метод анализа документов / А. Н. Качалкин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 120 с.

6. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. Кн. 2 : Добро и зло / В. В. Колесов. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2001. – 304 с.

7. Лопушанская, С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс / С. П. Лопушанская // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 20–29.

8. Рыбалко, Н. В. Нижегородская приказная изба в Смуту начала XVII века / Н. В. Рыбалко // Мининские чтения : тр. участников Междунар. науч. конф. – Н. Новгород : Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. – С. 152–162.

9. Чащина, Е. А. Отписки как один из видов деловой письменности Московской Руси / Е. А. Чащина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2011. – № 1. – С. 118–122.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Акты – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией : в 5 т. – СПб. : В Типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. – Т. 2 (1598–1613 гг.). – 482 с.

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Терра-Книжный клуб, 1998.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999.

СДР – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. – М. : Русский язык : Азбуковник, 1988–2013. – Т. I–X.

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2011. – Вып. 1–29.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Barakova O.V. *Delovaya pismennost XVII veka: kontseptosfera, subtekstovyy sostav (na materiale*

tamozhennykh knig Moskovskogo gosudarstva): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Administrative Written Language of the 17th Century: the Conceptosphere, Subtextual Composition (Based on the Customs Books of the Moscow State). Dr. philol. sci. abs. diss.]. St. Petersburg, 2004. 40 p.

2. Volkov S.S. *Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka. Formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva* [The Vocabulary of the Russian Petitions of the 17th Century. The Form, Etiquette and Traditional Stylistic Means]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1974. 164 p.

3. Gorban O.A., Sheptukhina E.M. Regionalnye dokumenty XVIII veka: aspekty lingvisticheskogo opisaniya [Regional Documents of the 18th Century: Aspects of Linguistic Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2013, no. 3 (19), pp. 76-84.

4. Dmitrieva E.G. Razvitie znacheniy emotivov v yazyke delovykh dokumentov [The Development of the Emotive Verbal Meanings in the Official Document Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2013, no. 2 (18), pp. 23-27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2013.2.3>.

5. Kachalkin A.N. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi. Part II. Filologicheskii metod analiza dokumentov* [The Document Genres of the Russian Pre-Peter-the-Great Period. Part II. Philological Method of Document Analysis]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1988. 120 p.

6. Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus: nasledie v slove: v 5 kn. Kn. 2. Dobro i zlo* [Ancient Rus: Heritage in Word. In 5 Books. Book. 2. Good and Evil]. St. Petersburg, Filologicheskii fakultet Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2001. 304 p.

7. Lopushanskaya S.P. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitelnyy protsess [Semantic Modulation as a Speech-and-Mental Process]. *Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Russkiy glagol: Istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Scientific Schools of Volgograd State University. Russian Verb: History

and Current State]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2000, pp. 20-29.

8. Rybalko N.V. Nizhegorodskaya prikaznaya izba v Smutu nachala XVII veka [Nizhny Novgorod Prikaz Quarter in the Early 17th Cen. Turmoil]. *Mininskie chteniya: tr. uchastnikov Mezhdunar. nauch. konf.* [The Minin Readings: Works of the Participants of the International Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, Redaktsionno-izdatelskiy otdel Tsentralnogo arkhiva Nizhegorodskoy oblasti, 2010, pp. 152-162.

9. Chashchina E.A. Otpiski kak odin iz vidov delovoy pismennosti Moskovskoy Rusi [Formal Reply as a Kind of Russian Business Letter of Moskovia]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsialnye nauki"*, 2011, no. 1, pp. 118-122.

SOURCES AND DICTIONARIES

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissieyu: v 5 t. T. 2 (1598–1613 gg.) [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 5 vols. Vol. 2 (1598–1613)]. St. Petersburg, V Tipografii II-go Otdeleniya Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii, 1841. 482 p.

Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vols]. Moscow, Terra-Knizhnyy klub Publ., 1998.

Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999.

Slovar drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. [Dictionary of the Old Russian Language. The 11–14th Centuries]. Vol. I–X. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Azbukovnik Publ., 1988-2013.

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language. The 11–17th Centuries]. Vol. 1–29. Moscow, Nauka Publ., 1975–2011.

Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of Russian Language of the 18th Century]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>.

**COMPOSITION PROPERTIES AND LEXICAL PECULIARITIES
OF FORMAL REPLIES OF THE EARLY 17th CENTURY**

Evgeniya Gennadyevna Dmitrieva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Russian Language and Documentation Studies,
Volgograd State University
devgeniya@inbox.ru, iryas@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article describes specificity of the text structural organization and lexical peculiarities of formal replies of the early seventeenth century, which belong to the Solikamsk archive. Special attention is given to means of text standardization. The formal reply is presented as a sample of the administrative writing genres that was intensively demanded in the 17-18th centuries and occupied an intermediate place in the system of document management, thus linking an upstream with a downstream administrator or local offices of the same level; additionally it is viewed to be a fact of the upstream private mail.

Permanent and variable compositional features of the genre are identified. The stability of a three-part structure, basic etiquette formulas indicating to the addressee and the addresser, event-saturation of the central part of the document that opens by showing the source of the information are considered as permanent features; the usage of a petition formula, the shift of the semantic center to the final part to reveal an intention of an author are referred to as variable features.

The functional analysis of verbal lexemes in the texts of the formal replies has allowed to prove that the most important source of replenishment of administrative language is the semantic derivation that contributes to the formation of set phrases, which, along with stencil designs and temporal and causal characteristics of the described events, are important means of standardization of the language of the document.

Key words: Russian language history, genre of the document, formal reply, composition, verb, lexical semantics, semantic derivation.